

ИНТЕРВЬЮ
О ПРИЗВАНИИ

Недавно Александру Ивановичу Метле, токарю производственного объединения «Новокраматорский машиностроительный завод», актеру самодеятельного народного театра «Данко» Указом Президиума Верховного Со-

вета Украинской присвоено звание заслуженного работника культуры республики.

С А. И. Метлой беседует наш внештатный корреспондент.

-АЛЕКСАНДР Иванович, не было ли у вас мысли стать профессиональным актером?

— Для меня этого соблазна нет. И не потому, что уже поздно — в тридцать еще можно было пойти в институт культуры, куда меня, кстати, приглашали после «Кремлевских курантов». Отказался. Наверное, токарь во мне родился раньше, чем актер. И менять эти важные роли местами не в моих планах даже в столь счастливый момент. Может быть, отцовское постоянство передавалось. Бывший командир кавалерийского эскадрона в партизанском отряде Ковпака, ветеран Великой Отечественной, он на Старокраматорском машиностроительном заводе в одном цехе, на одном месте до самой пенсии проработал.

— Вы, можно сказать, ветеран народного театра, в активе у вас немало ролей. Какая из них вам всего дороже?

— За 17 лет участия в самодеятельном творчестве я сыграл 20 ролей. Но всегда дорого все первое. Вспоминаю, как праздник, свой выход на сцену в спектакле «Тимур и его команда». У меня была роль, наверное, меньше чем эпизодическая. Но этот дебют помог мне многое понять в жизни. Я увидел творческое волнение взрослых людей, их большой труд. Они разбудили во мне потребность к совершенствованию. Я полюбил стихи, стал всерьез заниматься балетом, позже закончил студию при народном театре «Данко». И старания не пропали даром. Роль Фаюнина в «Нашествии» Леонида Леонидовича стала для меня этапной. Но мой «звездный час», конечно, роль Владимира Ильича Ленина.

— Да, не всякий даже профессиональный актер осмелится на этот сложный труд, возьмет на себя такую ответственность. Что вам помогало воплощать замысел?

— Здесь все было важно. Не забуду строгую и торжественную атмосферу Финляндского вокзала в Ленинграде, где довелось побывать перед тем, как театр приступил к постановке «Кремлевских курантов» Николая Погодина. Слова Крупской «Образ Ленина — это мысль Ленина» дали ключ к постижению всей глубины этой поистине неисчерпаемой личности. А потом литература: воспоминания Мариэтты Шагинян, «Синяя тетрадь» Эммануила Казакевича, документальная хроника и, конечно же, само ленинское слово — емкое, точное. Слушая пластинки с речами вождя, я обратил внимание на такую деталь ленинского стиля: почти в каждой фразе есть акцент на самом главном, самом необходимом. До последнего момента не верилось, что роль получится. Когда солидный художественный совет утвердил пробную сцену — встречу Ленина с Гербертом Уэллсом, радости не было конца.

Премьера «Кремлевских курантов», поставленных театром «Данко», стала событием не только в нашем городе. Этот спектакль — лауреат Всесоюзного фестиваля художественного самодеятельного творчества.

— В «Революционном этюде» Михаила Шатрова, как и рекомендует автор, Вы сыграли

Александр МЕТЛА:
«ВО МНЕ ЖИВУТ

И ТОКАРЬ,

И АКТЕР...»

Ленина без грима: важно было прежде всего приоткрыть лабораторию ленинской мысли...

— На эту тему мне пришлось разговаривать с Михаилом Шатровым в Москве. Он стоял на своем: да, Ленин без грима — непривычно, но играть только так, а не иначе. Убедил. Сначала казалось, что так проще. Оказалось, сложнее.

А что мне как человеку, как коммунисту дало участие в этом спектакле, поможет понять такой пример... Как-то на рабочем собрании участка был поднят вопрос о формальном отношении профсоюзных руководителей к нуждам и запросам людей. Разговор был острый, такой, когда не спрячешься за общие слова и обещания. Захотелось и мне выступить — не ради участия в разговоре, а для пользы дела, со всей партийной принципиальностью сказать о том, как вреден казенный подход к живой душе. Вспомнил эпизод из спектакля «Революционный этюд», над которым как раз работал. Там Ленин страстно доказывает, что самое важное дело

может погубить обыкновенный бюрократизм. И тогда я поднялся на трибуну, рассказал об этом товарищам.

— Пример свидетельствует о том, что искусство помогает выработать активную жизненную позицию.

— Правильно. Ведь играя роли, мы пропускаем их через себя, вырабатываем свое отношение к каждому герою, чему-то у них учимся, что-то отбрасываем накрепко, чтобы в жизни не быть похожим на отрицательный персонаж. Все время идет процесс самовоспитания. Есть у меня странное, на первый взгляд, желание — сыграть нравственно измученного человека, мещанина, который вещь поставил превыше духа и обанкротился. Сыграть так, чтобы от него окружающие отвернулись. Ведь, чего греха таить, мы еще встречаемся с людьми нищими духом, которые за внешним блеском не видят истинных человеческих ценностей. Тут нужна острая эмоционально напряженная драма.

— Сейчас часто сперят об

увлечениях, о том, какое место должны они занимать в жизни человека. Как по-вашему, не заслоняет ли оно для некоторых основное дело, которому мы обязаны по доброй совести служить и творчески к нему относиться?

— Споры эти небесспорны. Знаю на заводе одну дивчину, которая тоже участвует в художественной самодеятельности. Голос у нее хороший, ручьем звенит. Но побывала в свете юпитеров, заслушалась комплиментов и аплодисментов и стала к своей работе относиться кое-как. Бывает и такое, что люди требуют каких-то льгот за участие в самодеятельных коллективах. Мол, мы служим обществу, пусть оно нам чем-то отплачивает. Или считают возможным тратить рабочее время на репетиции, подготовку к смотрам. Увлечение должно не заменять главное дело, а помогать ему.

Я не понимаю, как можно с прохладцей относиться к своей работе. Может, это потому, что работу очень люблю. Даже горжусь ею, понимаю всю необходимость ее. У меня, знаете, довольно редкая профессия, я токарь-затыловщик. В нашем индустриальном городе нас, затыловщиков, всего семь. Мы делаем точный режущий и мерительный инструмент. Насколько надежен этот инструмент, можно судить по тому, как безотказно работают роторные угледобывающие комплексы, прокатные станы и другие машины, изготовленные на нашем НКМЗ. И театр люблю.

— Наверное, можно сказать, что эти две сферы, дополняя друг друга, делают человека духовно богаче?

— Бесспорно. В спектакле «День приезда — день отъезда» мне нужно было играть парторга. Характер его я лепил с реальных людей, с которыми бок о бок работаю. Ибо мое увлечение обостряет зрение, помогает мне лучше разбираться в людях, видеть в них хорошее.

Вижу, как благотворно сказывается работа в театре и на моих товарищах. Все, кому приходится на работе встречаться со слесарем Евгением Кандием, тоже артистом нашего народного театра, говорят о том, как интересно с ним общаться. Светлане Хаец, матери двоих детей, нелегко было учиться и работать, чтобы стать инженером. Помогал муж... и искусство, в нем она черпала порой силы, примеры мужества.

— Александр Иванович, что делаете в свободное от станка и сцены время?

— Не даю погибнуть своему кулинарному таланту. А если серьезно, так участвую в любой работе по дому. Ведь жены наши тоже очень заняты. А моя жена еще и спортсменка. Имеет первый разряд по туризму. На лыжах не один десяток километров исходила по Заполярью. Сынишку — ему девять лет — тоже учим досуг проводить с толком.

Беседу вел
Г. КИРИНДЯСОВ.

Краматорск,
Донецкая область.

На снимках: А. И. Метла во время работы; перед выходом на сцену (Журден в «Мещанине во дворянстве»).

Фото Е. ВАРАВЫ.